

Давыдов Олег Борисович

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ Н. ГАРТМАНА

В статье рассматривается этическая концепция немецкого философа первой половины XX века Н. Гартмана, развиваемая в рамках общефилософских построений. Демонстрируются актуальность его подхода к этике, различение этики и морали. Стремящаяся к синтезу античных и нововременных принципов, этика Гартмана оценивается как весьма актуальная в условиях плюрализации теоретических и практических подходов к интерпретации источников морали.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/10-1/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. I. С. 59-62. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

народа *саха*. Характерные мелодии оперы «*Ньургун Боотур*» прочно закрепились в народной памяти. В последующем развитии звуковая картина *олонхо* составила национальную музыкальную традицию. Достоянными преемниками Нохсорова в исполнении *дэгэрэн ырыа* и *олонхо* были замечательные артисты Е. А. Захарова, Х. Т. Максимов, Г. Г. Колесов и другие.

Искусство У. Г. Нохсорова проявлялось как в живой фольклорной традиции, так и на профессиональной сцене. Свое мастерство сказитель показывал как у крестьянского камелька, так и в музыкальном и драматических спектаклях, представляя высочайшее совершенство сказительства и песенного исполнительства своего народа. Артистическая деятельность У. Г. Нохсорова была направлена на развитие и подъем национального искусства и сохранение фольклора. Он был ярким представителем народа *саха*, сумевшим отразить лучшие черты его характера, человеческий и художественный талант.

Персональная исполнительская специфика У. Г. Нохсорова является уникальной. Сложное по воспроизведению «нохсоровское тремоло» является одним из вершинных достижений в вокальном искусстве народа *саха* и до настоящего времени для современных исполнителей *олонхо* является не освоенным вокальным приемом.

Список литературы

1. Алексеев Э. Е. Вдохновенный певец новой жизни // Кымы: республиканская газета. 1967. 28 мая.
2. Алексеев Э. Е. Проблемы формирования лада (на материале якутской народной песни): исследование. М.: Музыка, 1976. 283 с.
3. Алексеева Г. Г. От фольклора до профессиональной музыки. Якутск: Кн. изд-во, 1994. 160 с.
4. Антология Саха театра. Якутск, 2010. Часть 3. 504 с.
5. Григорьева В. Г. Народный сказитель Устин Нохсоров. Якутск, 2012. 120 с.
6. Дырай Бэргэн. Серия «Богатыри саха». Якутск: Бичик, 2009. Т. 6. 334 с.
7. История музыки народов СССР. М.: Изд-во «Советский композитор», 1970. Т. 2. 523 с.
8. Медушевский В. В. Человек в зеркале интонационной формы // Советская музыка. 1980. № 9. С. 39-48.
9. Норуот ырыаһыта Устин Нохсоороп. Ыст. Ахтыылар. Айымньылар. (Народный певец Устин Нохсоров. Статьи. Воспоминания. Произведения. Документы. Биобиблиографический указатель) / сост. В. В. Капитонова, Л. У. Нохсорова, Т. М. Нохсорова; отв. ред. С. Д. Мухоплева. Якутск: Ин-т гуманитар. исслед. АН РС (Я), 2007. 236 с.
10. Нохсоров У. Г. Уэруу ырыалара (Песни радости). Якутск, 1948. 50 с.
11. Шейкин Ю. И. Обрядовое интонирование саха: алгыс и осуохай // Обрядовая поэзия саха (якутов). Серия «Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 2003. Т. 24. 512 с.

ASPECTS OF CREATIVITY OF POPULAR NARRATOR OF FOLK TALES USTIN NOKHSOROV

Grigor'eva Viktoriya Georgievna
Arctic State Institute of Arts and Culture
grigfolk@mail.ru

In the article the study of the biography of the outstanding Yakut popular narrator of folk tales, the artist Ustin Gavril'evich Nokhsorov is carried out for the first time, his role in the history of the traditional and professional musical art of the Yakuts is considered. The notations of U. G. Nokhsorov's unique recordings, which represent the main genres of Yakut folklore, – epic psalm and folk song (*дэгэрэн ырыа*) – are given in the work.

Key words and phrases: the Yakut epos – *олонхо*; *олонхосут*; epic psalm; *кылысах*; «Nokhsorov's tremolo»; folk song.

УДК 17.01

Философские науки

В статье рассматривается этическая концепция немецкого философа первой половины XX века Н. Гартмана, развиваемая в рамках общеполософских построений. Демонстрируются актуальность его подхода к этике, различение этики и морали. Стремящаяся к синтезу античных и нововременных принципов, этика Гартмана оценивается как весьма актуальная в условиях плюрализации теоретических и практических подходов к интерпретации источников морали.

Ключевые слова и фразы: этика; мораль; этос; бытие; онтология.

Давыдов Олег Борисович, к. филос. н.
Дальневосточный государственный гуманитарный университет
328gr@rambler.ru

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ Н. ГАРТМАНА©

Имя немецкого философа Николая Гартмана не столь известно в широких культурных и научных кругах, как имена его коллег Э. Гуссерля или М. Хайдеггера. В истории философии Гартман позиционируется,

прежде всего, как создатель «критической» онтологии, особой разновидности неореализма и идеализма, критикующей трансцендентализм послекантовской философии. Однако оригинальная трактовка основных философских проблем, в том числе этических, наличие собственного стиля мышления, придают особую значимость его работам, они имеют большой исследовательский потенциал.

Этическая проблематика исследуется Гартманом в специально посвященной ей работе [3]. Немецкий философ трактует этику онтологически, как сущностно связанную с истиной бытия, критикуя с данных позиций множественность морали и происходящий из нее релятивизм современной этической философии. Философский проект этики Гартмана связан с онтологией, разработанной в целях создания философской системы, в которой получает обоснование единство автономизированных Кантом отраслей философского знания. Вместе с тем, системность его философии отличается от классической, подразумевающей логическую и необоримую взаимосвязь частей, но представляет собой апоретическую форму, аналогичную античным источникам.

Критика кантианской деонтологии, господствовавшей в моральной философии, разворачивается Гартманом с позиций отрицания автономного источника морального должноствоания. Наряду с утверждением исключительно рационального происхождения нравственности, кантовская метафизика нравственности постулирует автономии воли как своего высшего принципа [4]. Однако хотя воля и полагается не как абсолютно свободная, повелевающая разумом, но ограниченная всеобщим законом, вместе с тем она есть сам для себя закон. Также Кантом различается автономия воли, лежащая в основе нравственности разумных существ, и гетерономия, подверженность воли чувствам. Свобода воли, как способность начинать новое состояние из себя самого, будучи самому себе законом, неограниченным и недетерминированным ничем внешним, представляет собой основание всякой деятельности. Данное обстоятельство дало возможность интерпретировать кантианскую моральную философию в волюнтаристическом ключе.

Следствием разрыва непосредственной связи онтологии и этики, автономизации морали, стал кризис социальной морали и маргинализация этической философии, как науки о ценностях. Эта проблематика становится центральной для философской этики XX века. Среди ярких представителей онтологического подхода к этике – канадский философ А. Макинтайр. Релятивизм и субъективизм, господствующие как в философии, так и в повседневной практике, определяются Макинтайром как эмотивизм, сущность которого он излагает следующим образом: «Нет и не может быть значимого рационального оправдания любого утверждения о существовании объективных и неличностных моральных стандартов и по этой причине не существует таких стандартов» [5, с. 31] Мораль для современного человека становится не более чем субъективной эмоцией, следовательно, не имеет всеобщей значимости, как и внешнего источника.

В социальной плоскости, мораль, вследствие утери онтологических оснований, также приходит в упадок. Моральный принцип социального эвдемонизма, как он сформировался на заре эпохи Модерна, заключается в достижении как можно большего счастья для как можно большего числа людей. Любой современный социум получает этическое оправдание лишь в реализации данной общей интенции. Однако если истинным признается полезное средство для достижения означенной высшей цели, то велика опасность забвения этой самой цели и концентрация на средствах смещения блага и пользы. Таким образом, отождествление благого и эффективного приводит к развитию морального утилитаризма. При этом зачастую придается забвению ценности, которым и должны служить эти средства. Крайний утилитаризм приводит к моральному нигилизму и релятивизму, к деградации морального сознания и забвению ценностей как таковых.

Этический проект Гартмана связан с обоснованием альтернативы релятивизму через реактуализацию античных интенций моральной философии в современном контексте. Центральным вопросом для античных философов является вопрос о природе блага. Классическая позиция отождествляет благо с бытием, и именно поэтому этика неотделима от онтологии. Однако для современника, утратившего связь с универсальным, для субъекта, живущего в мире безразличных объектов, восприятие того, что человеку традиции представлялось очевидным, требует специальных усилий. Эпоха Модерна установила совершенно иной моральный порядок, который не укоренен в бытии, в природе вещей, а имеет исключительно субъективную природу. Одним из следствий этого процесса явилось почти всеобщее разочарование в онтологически обоснованной этике и развитии тенденции к этическому релятивизму.

Утверждение абсолютности ценностей сталкивается с проблемой доказательства их объективности. Гартман утверждает, что из соотнесенности объективно существующих с субъектом не следует их относительность, напротив, делает ценности действенными и общезначимыми. Различение относительности и реляционности является для этого принципиальным моментом, ибо ценности проявляются в действии, и в этом заключается их значимость и способность быть согласованными со свободой воли. Соотношение субъекта и абсолютных ценностей есть сущностное содержание этих ценностей.

Логическую рефлексивность и ригористичность кантовского императива Гартман гармонично дополняет онтологическим сущностным анализом ценностей. Ценности, согласно Гартману, не ограничивают свободу человеческой воли, но идеальное и реальное дополняют друг друга, выступая как различные слои бытия, имеющего единую природу. Свободная воля осуществляется в недетерминированной ориентации на ценности, когда познает онтологическое единство действия и должноствоания. Центральным для него становится вопрос о природе ценностей: сводится ли аристотелевский анализ ценностей лишь к идеальному, к разговору о должном, без должного внимания к существу? Гартман дает отрицательный ответ на этот вопрос, отдельные, сиюминутные решения, впрочем, как и эпохальные события, находят свое оправдание именно в этике. Именно поэтому нет более конкретного и практического, и вместе с тем всеобъемлющего и общезначимого

знания, чем знание этическое: «Никогда этическая ситуация не растворяется без остатка в личностях, она всегда есть нечто другое, пребывающее помимо них, хотя без них и не существующее» [3, с. 96].

Телеологическая структура морали является важнейшим постулатом философской этики Гартмана. Каждая сфера человеческой деятельности имеет свою цель, каждая наука стремится к познанию своего предмета. Цели всегда уже определены до начала действия, остается лишь вопрос выбора средств их достижения. Однако единственный род знания, который изучает цели как таковые, несмотря на все имеющиеся средства – знание этическое. Причем эти цели должны быть абсолютными, но не в смысле подчинения себе всех иных целей, а в смысле свободы от опасности стать инструментализированными. Поэтому, в известном смысле, практическое значение этики противоположно практическому значению других наук. Этика является для Гартмана практической философией, ее целью является изменение жизни человека, направление ее к онтологическому благу.

Ницшеанский нигилизм, проявляющийся в моральном релятивизме, так же подвергается Гартманом жесткой критике. Гартман осознает собственную задачу, по масштабам выходящую далеко за рамки любого, сколь угодно обширного, систематического исследования – синтез античной и нововременной этики. Онтологический анализ сущности ценностей как таковых, Гартман дополняет вниманием к экзистенциальным ситуациям конкретной личности, таким как поведение, настроение, воля и т.д. В аристотелевской этике «быть» неотличимо от «быть хорошим», бытие тождественно благу. Более того, этика в условиях обострения социальных противоречий, становится *philosophia prima* [4, с. 182].

Защищая философию, как этически компетентную инстанцию, если не устанавливающую моральные нормы, то артикулирующую их, Гартман указывает на ее античный исток. Поскольку для древних добродетель есть знание, то моральному поведению можно и нужно научить, этим и занимается философия и в этом ее оправдание. Причем научение добродетели не является внешним по отношению к человеку, но оно сходно с майевтикой, порождением знания человеком о себе из своей души. Поскольку благо онтологично, тождественно бытию, добродетель есть отыскание блага в единственном существе, данном человеку непосредственно – его душе. Этика есть знание, указывающее человеку путь от его наличного состояния к тому состоянию, в которое он должен себя привести в соответствии с идеей блага. Философская этика не изобретает и, тем более, не навязывает нормы и этические принципы, но помогает им проявиться в душе человека, прояснить то, что уже в ней есть. Именно поэтому сфера этики объединяет сферу частного и всеобщего, индивидуального и социального, субъективного и объективного.

В аспекте анализа соотношения абсолютного и относительного, составляющего основу методологии исследования, Гартман рассматривает проблему множественности морали и единства этики. Фактическое разнообразие моральных установок является основным препятствием для обоснования существования единой этики, при условии сохранения ее действенности. Ницше произвел переворот, открыв многообразие морального космоса, однако, это открытие, вместо того, чтобы служить толчком к развитию морали, явилось шагом в сторону морального релятивизма и нигилизма, шагом «по ту сторону» добра и зла.

С максимально возможной остротой проблема объективности морали была поставлена Ницше [6, с. 854]. Перед лицом переоценки всех ценностей, релятивизации морали и разрушения основ бытия, вопрос поиска объективных оснований этики становится вопросом первоочередной важности. Положительное влияние Ницше на развитие этики состоит в том, что он поставил под сомнение эффективность морали как таковой, поскольку мораль вне онтологических предпосылок вырождается в чистый субъективизм и становится делом индивидуума. Мораль, в конечном итоге, есть характеристика индивидуумов, тогда как этика представляет собой социальный феномен. Принимая этот вызов, Гартман утверждает, что этика должна быть единой в себе и синтезировать множественные моральные импликации в конкретно историческом бытии. Множественность невозможна вне единства, но составляет с ним необходимую диалектическую полноту, множественность истин предполагает единую истину как таковую. Так и этика, допуская множественность ценностей и частных благ, возводит их к абсолютному благу.

Будучи системой вечных ценностей, этика не статична, но находится в постоянном творческом взаимодействии с действительностью, проявляется в каждом осмысленном действии человека. В противоположность ницшеанской переоценке ценностей, или, в сущности, их обесценивания, происходит переоценка жизни, происходит перманентное соотнесение новых событий и ситуаций с творческой идеей блага. Подвижное в своем постоянстве ядро этического является источником морального разнообразия и существования подлинного творческого различия между личностями, обществами и культурами.

Тем не менее, очевидно, что в реальности всегда существует опасность формальной редукции многообразия морали к абстрактному единству, редуцированному и бесплодному. Единение, согласно Гартману, не есть упрощение, синтез не есть редукция, напротив, единство лишь тогда является разносторонним и ненасилственным когда оно усматривается до множества [2, с. 92]. В этом и состоит сложность этического – этика должна быть общеобязательной и одновременно не подавлять особенность индивидуального.

Соединение ценностного, должного и сущего возможно только в творческом акте личности. Этическое творчество определяется Гартманом как высшая способность человека, происходящая из бытийных истоков. Именно здесь и разрешается дилемма теоретической и практической философии. Однако такое превозношение субъективного и индивидуального сближается с романтизмом и эстетизмом. Такой субъектоцентризм сближает дескриптивный анализ Гартмана с критикуемой им метафизикой субъекта. При подробном анализе идей ценности и блага, как мы полагаем, Гартман уделяет недостаточно внимания социальному аспекту этики.

Эгоцентрическая этика с необходимостью должна быть трансформирована в гетероцентрическую, опирающуюся на интересубъективную природу моральных принципов. Значимый Другой, который занимает центральное место в этической проблематике второй половины XX века, недостаточно явно представлен в этой глубокой и всеобъемлющей систематической философской системе. Таким образом, являя важный этап философского развития, гартмановская этика актуальна, антидогматична и открыта будущему. Способствуя становлению новых форм личностного и социального творчества, реализуясь в неисчерпаемом богатстве жизни, этика, в ее связи с онтологией, является формой воплощения вечных принципов бытия и блага в жизни и деятельности человека и общества.

Список литературы

1. **Аристотель.** Собр. соч.: в 4-х т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
2. **Гартман Н.** К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
3. **Гартман Н.** Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002. 712 с.
4. **Кант И.** Критика практического разума. СПб.: Наука, 2007. 527 с.
5. **Макингайр А.** После добродетели. Исследования по генеалогии морали. М.: Академический Проект, 2000. 384 с.
6. **Ницше Ф.** Собрание соч. М.: Престиж Бук, 2012. 1080 с.

PHILOSOPHICAL AND ETHICAL PROJECT BY N. HARTMANN

Davydov Oleg Borisovich, Ph. D. in Philosophy
Far Eastern State University of Humanities
328gr@rambler.ru

The article examines the ethical conception of the German philosopher of the first half of the XX century N. Hartmann developed within the framework of general philosophical schemes. The paper justifies the actuality of his approach to ethics, the distinction of ethics and morals. Aiming at the synthesis of ancient and modern principles Hartmann's ethics is considered to be quite topical under the pluralization of theoretical and practical approaches to the interpretation of the sources of morality.

Key words and phrases: ethics; morality; ethos; existence; ontology.

УДК 323.26

Философские науки

Статья посвящена проблеме социальных протестов. Авторы используют термин «экстремальность» в целях выделения и анализа особого рода протестных акций. Акцентируется внимание на причинах и механизмах формирования экстремальных форм протестов. Даются их характеристика, классификация, целевое и ценностное обоснование. Делается вывод о необходимости эффективных способов разрешения противоречий, которые находят своё отражение в протестах.

Ключевые слова и фразы: экстремальность; протест; социальное действие; ценности; справедливость.

Дашкова Софья Владимировна, к. филос. н.

Никифорова Галина Филипповна, к. филос. н., доцент

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет
dashkova.s.v.@yandex.ru; nikiiforova.g.f.@yandex.ru

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА©

Волна протестов, вовлекающих всё большее количество участников, прокатилась за последние годы по всему миру; несанкционированные митинги, пикеты, забастовки становятся обычным явлением. Для современного российского общества характерен высокий уровень склонности к социальной агрессии. Озлобленность и отчаяние людей толкает их к тому, что негативный психологический потенциал выплескивается наружу в виде массового стихийного протеста доведённых до отчаяния людей. Невозможность конструктивного диалога, максимализм противоборствующих сторон не позволяют достичь консенсуса, снять мотивы, глубинные источники социальной напряжённости в обществе. Нарастает мобилизационный потенциал протестующих, расширившись за счёт тех, кто раньше дистанцировался от открытого выражения недовольства. Отсутствие веры в будущее, тотальное недоверие к политическим партиям, государственному руководству, ко всем институтам власти всё более утверждающееся в жизни российского общества, несёт в себе большую опасность, раздробляя и расчлняя его [4, с. 452]. В сложившейся ситуации, когда наблюдается рост протестных настроений в обществе, но отсутствуют легитимные оппозиционные институты и лидеры, способные придать спонтанным протестным акциям граждан организованный характер, растущая социальная напряженность может достигать высокой степени экстремальности, а массовые протесты выходить за пределы законности.